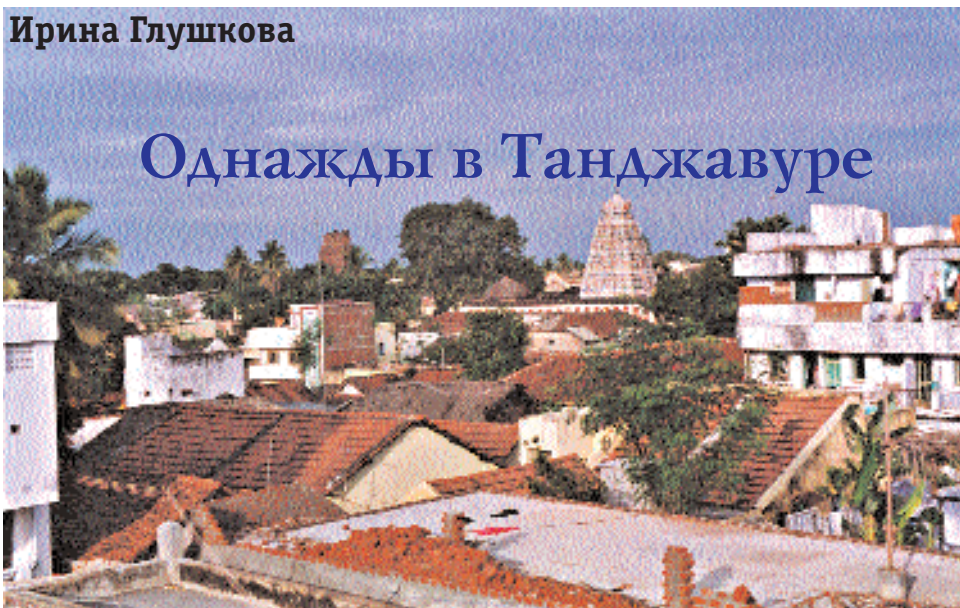

Ирина Глушкова

Однажды в Танджавуре

*Танджор подобен фиалке, окутанной тайной
и в уединении предающейся печали.*

Вильям Хики

В 1947 г., накануне провозглашения независимой Индии, на территории страны сохранялось 601 княжество. Их могло бы быть больше, но многие из них история унесла в прошлое, другие за время почти двухвекового господства англичан путем дипломатических манёвров, политических интриг или военного нажима были включены в состав Британской Индии. Однако, когда бы княжество ни теряло суверенный статус, оно сохраняло собственную память – летописную и монументальную, а потомки княжеских родов по сей день остаются культовыми фигурами, тем более что многие из них вернулись во власть через демократически избираемые структуры – от местных органов до общеиндийского парламента.

Оглушительно жаркий даже в «холодном» январе – около +35 (вопреки заверениям рекламных проспектов, что сюда можно приезжать круглогодично) – Танджавур (в англоязычном варианте Танджор) в первое мгновение разочаровывает неухоженностью и провинциальностью. «Столица» одноимённого округа в южноиндийском штате Тамилнаду занимает площадь около 30 кв. км и насчитывает примерно 250 тыс. жителей. Две главные улицы дают приют неприхотливым магазинчикам и забегаловкам с традиционными на юге *досами* (пшеничными и рисовыми истонченно-хрустящими блинами), *идли* (манными клёцками с подливкой) и нескончаемым рисом, утомляющим даже несмотря на разнообразие приправ. По обочинам тут и там пузырятся горы кокосов, и когда сухость во рту становится невыносимой, теплее, почти безвкусное кокосовое молочко кажется амброзией.

Через некоторое время приходит понимание, что город с историческими корнями, вплетёнными в мифологию, имеет право не впечатлять каждого, но притягивать тех, кто за пыльными фасадами и проросшими крышами сегодняшнего дня углядит дорогу в прошлую и будущую бесконечность.

Ирина Петровна Глушкова – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН.

История как смена династий

Время возникновения этого поселения неизвестно, но рассказывают легенду о злобном демоне Танджане, изводившем живших здесь людей. Когда бог Вишну расправился с негодяем, тот взмолился: «Пусть хотя бы это место носит моё имя!». Так возникло санскритское название Танджанпура – «город Танджана», позднее под воздействием распространённого в этих краях тамильского языка преобразовавшееся в Танджавур. Окружающие его пространства на редкость хороши, поскольку вся эта часть располагается в дельте Кавери – главной водной артерии индийского юга. Здесь много зелени – кругом пальмы, «заплатки» рисовых полей и упрятанные под разноцветье лотосов пруды, протоки и болотца.

Вода в Индии всегда имела стратегическое значение, и когда мощные династии Паллавов и Пандья сошлись в борьбе за господство над этими краями, удача улыбнулась тамильским князьям Чола: около 850 г. они захватили Танджавур. К началу X в. практически весь Тамилнад уже принадлежал Чола, а ещё через некоторое время их империя расширилась за счёт присоединения областей, лежащих к северу, а также частей Ланки, полуострова Малакка и Суматры. В XI–XIII вв. Танджавур был одним из крупнейших южноиндийских городов. Он состоял из внутренней части, где среди прочего располагались две большие улицы – Салиятеру и Пандивелам (неужели те самые?), и внешней, где находилось несколько крупных храмовых комплексов.

В XIII–XIV вв. всё новые и новые династии предъявляли притязания на окружающие просторы. Пандья всё-таки сместили Чола, но в 1549 г. вынуждены были уступить благодатное место телужанам Наякам, вассалам мощной Виджаянагарской империи, которые, в свою очередь, стали выяснять отношения с другими Наяками, чем воспользовался биджапурский Адилшах: он послал войско во главе с бесстрашным полководцем маратхом Шахаджи. Тот помог кому-то из Наяков, но Танджавурское княжество – тогда довольно обширное – оставил за собой. После смерти Шахаджи княжество принял сопровождавший его в южной кампании сын Вянкаджи. Он не захотел делиться со своим сводным старшим братом Шиваджи, что никак не устраивало последнего, уже набравшего мощь и основавшего внушительное

Перед входом в храмовый комплекс Брихадешвар.

Государство маратхов и короновавшегося в качестве императора – *чхатратати*. Шиваджи двинул на юг войска, Вьянкоджи на всякий случай покинул город, но братские чувства победили, и Шиваджи дал сводному брату добро на богатую южную вотчину. Так в тамилязычном окружении в 1676 г. воцарилась маратхская династия Бхосле, оставившая заметные следы в культурном ландшафте дравидского юга. Именно эти «следы» и потянули меня в Танджавур.

Как легитимировать власть

Чола прославились как патроны монументального зодчества: их правление ознаменовалось возведением величественных храмов и отливкой знаменитых бронзовых скульптур. Выстроенный при Раджарадже Чола (985–1012) великолепный храм Брихадешвара, признанный ЮНЕСКО памятником общечеловеческого значения, обеспечил Танджавуру мировое признание. В 2003 г. было торжественно отмечено тысячелетие начала его строительства.

Грандиозное сооружение, названное по имени царя – храм Раджараджешвары, должно было демонстрировать мощь и величие своего создателя как подданным, так и внешним недоброжелателям. Название храма (Раджараджа + *шивара* – «Верховный бог»), расположенного в непосредственной близости от царского дворца, вероятно, означало «Бог (Шива), которому поклоняется Раджараджа», но грамматическая неоднозначность позволяла трактовать это сочетание и как «Раджараджа – бог». Во всяком случае, возведённый на месте, никак не связанном с известными шиваитскими святынями, храм стал притя-

гивать приверженцев Шивы одновременно как религиозный центр и административная сердцевина империи. После того как династия Чолов покинула историческую арену, за храмом закрепилось имя Брихадешвар – «Огромный бог», отражающее размеры, вероятно, самого большого (3 м), если не на всем субконтиненте, то в Южной Индии, храмового *лингама* – символа детородного органа Шивы, установленного в алтарном помещении.

Раджараджа построил в общей сложности 74 храма, но Брихадешвар является самым знаменитым и признан наиболее авторитетным образцом южноиндийского архитектурного стиля *дравида*, характеризующегося особой формой возвышающегося над алтарным помещением башенного верха *шикхара* в виде ступенчатой пирамиды, завершённой многогранным куполообразным перекрытием. Именно *шикхару* можно увидеть из некоторых точек города, а точнее *виману* – сооружение из тринадцати псевдоэтажей высотой в 66,5 м, завершающееся *шикхарой* с гранитным монолитом в 81,3 т на макушке. Все остальные детали прячутся за плотной каменной стеной, окружившей сооружение с четырёх сторон и превратившей

«Огромный бог».

его в настоящую крепость. Эта ассоциация усиливается за счёт двух надвратных башен *гопурамов*: первая венчает ворота с улицы во внешний двор храма, вторая – ворота из первого двора во внутренний. Такая многоступенчатая отгороженность храма от окружающего мира впоследствии наряду с многочисленными *гопурамами* и внутренними опоясывающими галереями стала ещё одной характерной чертой стиля *дравиды*.

Территория храма, который также признают как Дакшинамеру – «Южная (гора) Меру», протянулась на 240 м с востока на запад и на 121 м с севера на юг. На одной из стен внешнего двора в 107 параграфах начертана полная информация об этапах возведения храма, а также перечисляются дары, которые Раджараджа и его сестра Кундавайи преподнесли храму: военные трофеи, прежде всего украшения из серебра и золота, бронзовая утварь и статуэтки, ставшие сейчас фирменным знаком Чолов, а также плодородные земли и целые деревни. Сообщается, какие меры принимались для ухода за храмом, и даже о том, какая сумма выделена пастухам для поставки масла для храмовых светильников.

Загадка Шивы: мужчина или женщина?

// весна 2005 //

Загадка барельефа: слон или бык?

Во втором дворе, напротив главного входа, на страже спокойствия своего владыки устроился огромный бык Нанди (верховное животное Шивы) из гранитного 25-тонного монолита. По поверью, он постоянно увеличивался в размерах, и из-за опасения, что бык перерастёт укрывающий его изящный резной навес, ему в спину вбили гвоздь, чтобы приостановить рост. Уже непосредственно у дверей храма с обеих сторон возвышаются значительно превышающие человеческий рост каменные стражники – *дварпалы*.

С наружных сторон стены храма украшены несколькими ярусами скульптур, высеченных на фризах или размещённых в нишах: например, Шива в образе Трипуранатаки – «Разрушителя трех городов, принадлежащих демонам» представлен 30 раз, навевая ассоциации с воинской мощью самого Раджараджи, повергнувшего множество врагов. Наряду с разнообразными героями индусской мифологии, в том числе фигурой Ардханаришвары – Шивы в образе полумужчины-полуженщины (андрогина), здесь широко представлен животный мир – как реальный, так и вымышленный. Внутреннее помещение разбито на несколько отсеков, стены которых рассечены пилястрами, создающими нечто вроде небольших закутков, и украшены резной скульптурой – отдельными фигурами божественных персонажей и композициями, иллюстрирующими мифологические и исторические сюжеты (например, коронация Раджараджи или посещение царской семьёй храма Натараджи «Танцующего Шивы» в Чидамбараме). Многие детали сообщают уникальную информацию. Так, в одной из частей храма насчитывается 81 изображение четырёхрукого Шивы, демонстрирующего сценические позы, описанные в древнеиндийской «Натя-шастре», трактате о театре.

На внутренних стенах *виманы* в 1931 г. под поздними слоями красок обнаружили фрески эпохи Чолов, изображающие танцовщиц-*девадаси*, «божских рабынь», или, в другой интерпретации, храмовых проституток, в позах известного теперь по всей Индии и признанного классическим танца *бхарат-натьям*. Источники сообщают, что во времена расцвета храм насчитывал более 400 *девадаси*. Портики и галереи каждого отсека, в свою очередь, содержат раки с изображениями богов, близких Шиве, которые, однако, являются самостоятельными объектами поклонения. В одной из них помещена фигура Тьягараджи, конкретной манифестации Шивы, которую Чола признавали своим родовым божеством.

Все последующие династии, сменившие Чолов, поддерживали храм: он никогда не утрачивал своего имперского величия и в нём никогда не прерывалось богослужение, хотя он и не стал такой духовной вотчиной тамильского индуизма, как храм Натараджи или вишнуитский храм Шриранга в городе-храме Шрирангаме. Одновременно каждая династия приносила что-то своё в убранство храмового комплекса. Так, например, сменившие Чола Наяки поклонялись Вишну, а потому обновлявшаяся на *готурамах* скульптура носит вишнуитский характер. Последовавшая затем династия Бхосле украсила окружающие главный храм надворные постройки с фигурами других богов индуистского пантеона настенными росписями и, не желая ни в чём уступать Чолам, оставила на северной стене внутреннего двора подробное описание своего рода и своих деяний.

В подражание отцу, сын Раджараджи Раджендра I (1012–1044) основал свою столицу в Гангакондачоллапуре. Несколько уменьшив размеры, он воздвиг почти полную копию танджавурского храма и назвал его собственным именем – храм Раджендрешвара, который по истечению некоторого времени также стал называться храмом Брихадешвара.

Индуизм индийского юга, в особенности в Тамилнаду, весьма отличается от своих манифестаций на остальной территории страны. Это связано не только с декоративной мощью большинства южноиндийских храмов, сооружённых в средневековье для придания божественного ореола земной власти, но и с самой концепцией сакрального. В шиваитских храмах бог представлен преимущественно *лингамом* («бесформенной формой»), погружённым в пещерную темноту алтаря. Лицезрение святыни в таких обстоятельствах практи-

Жрец-вишнуит.

чески исключено, и почтение к объекту поклонения выражается *прадакшиной*, хождением по часовой стрелке по окружающим алтарное помещение мрачным галереям. В тех же шиваитских, вишнуитских, а также в шактистских – посвящённых Деве (Богине), храмах, где божественная субстанция демонстрируется в антропоморфном облике, доступ к непосредственному изображению также весьма затруднён и сопровождается постоянным сбором пожертвований с верующих.

В Тамилнаду я чувствовала себя не очень комфортно из-за незнания тамильского языка. К тому же во многие храмы меня как иностранку не пускали дальше внутреннего двора, а в тех храмах, где удавалось приблизиться к алтарной части, я оставалась на таком расстоянии, что ничего не могла разобрать: святыня всё равно пряталась где-то в глубине почти в полной темноте, и связь с ней осуществлялась через камфорное пламя, подносимое жрецом. Это пламя возжигалось непосредственно возле святыни и принимало в себя божественную эманацию, которой жрец – в обмен на пожертвования – наделял толпящихся в ожидании верующих. Во множестве храмов мне приходилось платить за фотосъёмку, но потом оказывалось, что снимать можно только во внутреннем дворе. В хорошо знакомой мне Махараштре, не натываясь на языковой барьер, я не только была

Бабаджи – мой благодетель.

желанной гостьей в самых известных храмах и вместе с индусами допускалась до телесного контакта с божественными статуями – *надаспарши*, «прикосновения к стопам», но нередко пользовалась особыми привилегиями, позволявшими сколько угодно фотографировать ту или иную святыню в урочное и неурочное время: объяснение, что я не праздный турист, а исследователь, встречало понимание и уважение.

Перелом в моем положении произошёл во время второго посещения Танджавура, когда завязанные в предыдущий приезд знакомства укрепились и переросли в дружбу. Среди тех, кто оказывал мне всесочное содействие, был и старший принц С. Бабаджи Раджа Бхосле Чхатрапати, прямой наследник маратхской династии Бхосле и глава Попечительского совета Танджавурского дворца, в ведении которого находится 84 культовых места Танджавурского дистрикта. Высокое имя и статус моего покровителя открыли мне «зелёный свет» в эти места и даже в алтарные помещения, в том числе и к огромному *лингаму*.

Как сесть на трон. Часть I.

При всем великолепии Большого храма, как теперь его называют, в который я навещалась ежедневно во время пребывания в Танджавуре, каждый раз неустанно восхищаясь уже виденным и обнаруживая

что-то новое, вовсе не он был главным магнитом, потянувшим меня почти что на самый край Индии, в сторону от маратхоязычной Махараштры, главного фокуса моей исследовательской деятельности. Библиотека «Храм Сарасвати» имени Серфоджи II Бхосле была той причиной, по которой я целую ночь тряслась в ледяном (из-за не поддающегося регулированию кондиционера) поезде, неторопливо преодолевавшем в кромешной темноте 350 км, разделяющих Ченнаи (Мадрас), столицу Тамилнаду, и Танджавур. На следующий год я выбрала более щадящий (но и очень дорогой) способ, правда, подразумевавший многочисленные пересадки: сначала был перелёт из Дели в Пуну, культурную столицу Махараштры, потом в Ченнаи, оттуда – в чудный городок Тричи (Тричинополли); оставшиеся до Танджавура 50 с чем-то киломеров я проделала на громохочущем такси, с трудом разъезжавшимся с встречными машинами на узком шоссе.

В библиотеке «Храм Сарасвати», хранящей 46 тыс. бесценных манускриптов на санскрите, тамильском, телугу и маратхи и 52 тыс. книг на разных языках, я искала старую маратхскую рукопись, о существовании которой твердили все, но поиски в самой Махараштре на протяжении нескольких лет ни к чему не привели. Не оказалось её и в Танджавуре, зато я погрузилась в исторические интриги маленького княжества периода британского владычества, время от времени дающие себя знать и сегодня. И разочарование от научного фиаско сменилось сначала любопытством, а потом обрело формы нового научного поиска.

Династия маратхских Бхосле, покоривших Танджавур, попала в трудное положение: со всех сторон её окружали претенденты на плодородные земли бассейна Кавери, а вскоре появились и представители европейских держав, приступивших к активному освоению индийского Юга. Тем не менее, Бхосле держались, и время их правления называют «ренессансом XVII–XVIII вв.». Впрочем, замечательные образцы изящных искусств, в создании которых в качестве поэтов, драматургов и композиторов участвовали и сами князья (авторы более 50 пьес!), были недостаточно известны в своё время и оказались почти забытыми впоследствии – так сложилась судьба культуры, процветавшей при маратхском дворе в тамильском окружении. Однако жанры, которые были связаны не только со словом – например, искусство танца, музыкальное направление, получившее название «карнатикский

«Женские покои» на берегу Кавери, где проживали 29 наложниц Серфоджи II.

стиль», и прикладные ремесла: живопись по стеклу, декорированному полудрагоценными камнями и золотой фольгой, или производство латунных поделок, инкрустированных медью и серебром, – были извлечены из небытия или созданы вновь именно при маратхском дворе. Интересно, что сама Махараштра не знала подобной «придворной культуры», и в то время, когда в Танджавуре создавались бьющие жизненной энергией музыкальные и драматические шедевры, писались трактаты о плотской любви и пособия об интимных проблемах мужских и женских организмов, породивший клан Бхосле маратхиязычный ареал пребывал в неутомимом духовном поиске, провозглашая отказ от земных радостей наивысшим благом.

«Придворная культура» Танджавура имела и другую сторону: здесь ни на секунду не прекращалась борьба за власть уже не с внешними врагами, но среди своих. Этим, впрочем, Танджавур ничем не отличался от любого другого индийского княжества, где сыновья шли против отцов, братья против братьев, племянники предавали дядьёв и друг друга, а многочисленное женское окружение – законные жёны и наложницы – плели интриги не на жизнь, а на смерть. Механизм престолонаследия давал сбои и потому, что многие монархи не оставляли мужского потомства, и процесс усыновления близких родственников становился ещё одним поводом для противостояния, привлекая к тому же дополнительных игроков – учёных брахманов, освящавших или отрицавших ссылки на индусское право тот или иной факт усы-

новления, и представителей западных держав, просчитывавших свои предпочтения в отношении возможного правителя.

В принципе, Серфоджи II (1798–1832), имевшего непосредственное отношение к библиотеке «Храм Сарасвати», из-за которой я оказалась в Танджавуре, могло бы и вовсе не быть. За девять дней до смерти оставшийся без наследника Тулдза II (1763–1787), праправнук Вьянкоджи Бхосле, с согласия женской половины семейства, а также при одобрении местных богословов и уже допущенных ко двору представителей Ост-Индской компании, усыновил десятилетнего Серфоджи, сына своих дальних родственников. Регентом при малолетнем правителе был назначен Амар Сингх, рождённый наложницей сводный брат Тулдзы II.

В соответствии с нормами индусского права, практиковавшимися на юге Индии, при отсутствии прямых наследников Амар Сингх мог сам стать престолонаследником, что он и его окружение сделали. Вердикт, вынесенный консилиумом из двенадцати брахманов и поддержанный англичанами, сообщал, что в преддверии смерти разум Тулдзы II был помрачён, что Серфоджи было уже десять лет, а усыновлению подлежали дети до пяти лет, и что он – единственный сын своих родителей, а потому процедура была признана незаконной. После официальной коронации на трон в 1787 г. сел Амар Сингх, а Серфоджи упрятали в дальние комнаты дворца и пытались извести, прибегая к колдовству, в том числе разводя под его окнами котры из жгучего перца чили.

Как сесть на трон. Часть II.

Вильям Хики, занимавшийся во второй половине XIX в. адвокатской практикой на юге Индии и искренне симпатизировавший Танджавуру и его княжеской семье, в своих воспоминаниях отметил: «Раджи Танджора всегда были самыми решительными и верными друзьями британцев». И действительно, после смерти последнего сына Вьянкоджи, Тукоджи Тулдзы I (1728–1736), в клане Бхосле начался разброд, по времени совпавший с усилением некоторых южноиндийских княжеств – Аркота, Тричинополи, Путукотаи и Рамнада, а также с соперничеством за южные владения между различными европейскими державами. Бхосле отбивались от одних и вступали в союзы с другими, уступали часть территории и отбивали снова, продавали поселения и возвращали их обратно. Однако с 1749 г. утраты перестали восполняться, а среди союзников самыми предприимчивыми оказались англичане Ост-Индской компании, постепенно прибиравшие к рукам раздираемое внутренней и внешней враждой княжество. Британские резиденты при княжеском дворе прекрасно справлялись с ролью советников, приводя веские доводы в пользу заключения военных, политических и экономических договоров с Компанией, но танджавурский сценарий не мог бы быть разыгран без непосредственного участия Христиана Фридриха Шварца, уроженца Пруссии, направленного в Индию датским

королем в помощь протестантской миссии в Транкебаре, датском поселении, основанном ещё в 1624 г.

В Танджавуре Шварц впервые оказался в мае 1762 г., преодолев пешком расстояние в 105 км и проповедуя по дороге христианство. Можно изумляться либо физической выносливости европейца, совершившего многокилометровый переход в самое жаркое время года, либо истовости его веры: с 1706 г., когда в Транкебаре начал миссионерскую деятельность предшественник Шварца Бартоломео Зигенбалг, до 1798 г., когда Шварц умер, более 40 тыс. индусов из этих краёв приняли христианство.

Во время первого посещения Танджавура Шварц был допущен во дворец и успел высказаться о преимуществах христианства. Сам Тулдза II в зале не присутствовал, но, устроившись за занавесом, внимал каждому слову. Впоследствии князь и проповедник познакомились по-настоящему и подолгу беседовали сначала через переводчика, потом на тамильском, который Шварц к тому времени освоил, а затем на маратхи, родном языке Тулдзы II. В письме в Европу от 25 сентября 1777 г. Шварц мимоходом замечает: «Выучил, по просьбе короля, язык махратта (маратхи. – И.Г.) и перевёл на него диалог между христианином и язычником, сочинённый мною на малабарском (тамильском. – И.Г.)». В 1778 г., когда Шварц обосновался в Танджавуре, он официально числился в Обществе по распространению христианских знаний, связанном с Ост-Индской

Современные женщины на том же берегу стирают бельё.

компанией. Его люто ненавидели местные брахманы, опасаясь утраты собственного влияния на князя, но авторитет миссионера рос: он построил в Танджавуре две церкви и даже был направлен в качестве переговорщика к Хайдару Али, правителю Майсура, одному из грозных врагов и Танджавура, и Ост-Индской компании. Хайдар Али был настолько ошеломлён умом и тактом посланца, что предложил ему место при дворе, а когда Шварц отказался, выдал ему охранную грамоту на свободу передвижения по своим владениям.

Во время ритуала усыновления Серфоджи слабеющий Тулдза II обратился к Шварцу: «Это твой сын, я передаю его в твои руки». Но Шварц отказался от официального опекуна, сознавая, что оно повлекло бы за собой и прямую политическую ответственность, и убедил Тулдзу II в целесообразности назначения регентом Амара Сингха. И тот же Шварц позднее забил тревогу, когда Амар Сингх оказался на троне. Сначала он обратился к британским властям Мадраса, а потом к калькуттскому генерал-губернатору. Наряду с оспариванием вердикта танджавурских брахманов, в ход было пущено и другое оружие: Амар Сингха объявили незаконнорожденным, что с готовностью подтвердили официальные вдовы Тулдзы II и другие родственники. Переписка по этому поводу, в которой участвовал и Лондон, продолжалась несколько лет, а в 1793 г. Шварцу удалось вывезти Серфоджи в Мадрас, где под руководством того же Шварца началось его планомерное приобщение к наукам. В 1796 г. брахманы пере-

смотрели своё же прежнее решение, признав процедуру усыновления Серфоджи законной. Такой поворот весьма устроил Компанию, поскольку Амар Сингх, подписав частичные договоры с англичанами, проявлял самостоятельность во многих вопросах. Более того, он пытался связаться с *пейшвой*, фактическим главой всё ещё мощного Государства маратхов, и, упирая на этническое и кровное родство, просил о содействии в борьбе против англичан. Поэтому в 1798 г. Совет директоров Компании в Лондоне принял решение о восстановлении 21-летнего Серфоджи на троне, за чем последовало бескровное смещение Амара Сингха и официальная коронация легитимного наследника. Шварц не дожидаясь нескольких месяцев до коронации своего любимца: его могилу возле одной из построенных им танджавурских церквей украшает эпитафия, написанная самим Серфоджи, а мраморное панно в церкви изображает Шварца на смертном одре, оплакиваемого безутешным Серфоджи.

В 1799 г. между англичанами и Серфоджи II был заключён договор, предусмотренный условиями его возвращения во власть, официально названный «Договор об укреплении дружбы и союзничества между Компанией и князем Танджора и об учреждении правительства Танджора на постоянной основе». Несмотря на отсутствие в нём слова «аннексия», по сути этот документ означал ликвидацию Танджавурского княжества как независимого образования. Танджавур стал шестнадцатым «приобретением» Компании, как свидетельст-

Автор за трапезой с женщинами семейства Бхосле.

вует «Хронологическая таблица приобретения Британией владений в Индии», помещённая на британской карте 1850 г., украшающей сейчас мой рабочий кабинет. В графе «У кого приобретено» обозначено: «У князя Танджора». Наследники же самого Серфоджи II признают финалом своего правления 1855 г., когда умер не оставивший наследника сын Серфоджи II, а англичане отменили принятую в Индии практику царственных усыновлений.

Как сохранить и снова потерять трон

Преамбула договора 1799 г. сообщала, что его целью является «более эффективное управление княжеством». В связи с этим, присвоив всё, за исключением некоторых деревень, Компания запретила главе княжества содержать военные силы, но «в знак любезности» правительство Мадраса оставило в распоряжении Серфоджи II два форта, обязав следить за их состоянием, разрешило учреждение гарнизона в 15 сотен человек и назначило пенсию в размере 100 тыс. рупий с добавлением пятой части от налоговых поступлений.

Так Танджавур утратил военное, политическое и экономическое значение, а Серфоджи II усердно занялся собственным образованием, религиозной благотворительностью и разведением садов. И конечно, поддержанием добрых отношений с Компанией: в 1815 г., например, по распоряжению князя в 65 км от Танджавура, на берегу Бенгальского залива, в честь победы англичан над Наполеоном в битве при Ватерлоо была воздвигнута восьмиэтажная башня-маяк, сохранившаяся и по сей день.

Привечая при дворе поэтов и учёных, владевший несколькими европейскими и индийскими языками Серфоджи II приводил в изумление бывалых европейцев. Лорд Валенсия, путешествовавший по Индии в начале XIX в., отмечал: «Лёгкость и правильность, с которой он выражал себя на английском, принесли мне глубокое удовлетворение. Это был первый случай, когда я смог общаться с местным принцем без толмача». Томас Робинсон, сопровождавший в 1826 г. калькуттского епископа Реджинальда Хебера в инспекционной поездке по южным частям его обширной епархии, сообщал: «В целом, поскольку мы были весьма наслышаны об этой прославленной личности, наши ожидания вовсе не оказались обманутыми». Епископ оказался более восторженным: «Я встречал множество коронованных

Башня во славу английского оружия.

особ, но ни одного, чьи манеры были бы более королевскими... Последние четыре дня я провёл в обществе индусского принца, раджи Танджора, который легко цитирует Фуко, Лавуазье, Линнея и Бюффона, который составил более чёткое суждение о поэтических заслугах Шекспира, нежели лорд Байрон, восторженно о них отзывавшийся, и который сочинил поэзию на английском, превосходящую эпитафию Руссо на смерть Шенстона».

Кругозор Серфоджи II был грандиозным – он много читал, его интересовало всё – от медицины до астрономии, от живописи до ботаники. Покидавшие Танджавур резиденты высылали ему последние новинки из Англии. В 1805 г. – раньше, чем где бы то ни было в Южной Индии и даже в Махараштре – в Танджавуре появилась типография со шрифтом *деванагари*, используемым для записи маратхи и древнеиндийского санскрита. Благодаря постоянным заботам Серфоджи, основанное ещё во времена династии Наяков «Хранилище Сарасвати» превратилось в уникальную библиотеку, для которой по распоряжению Серфоджи II в разных частях Индии приобретались рукописи или переписывались придворными брахманами с оригиналов, теперь уже утраченных.

Поскольку государственные дела не обременяли Серфоджи II, он совершал множество паломничеств, совмещая поклонение богам с передвижением в поисках нового, сначала по югу Индии, а потом, получив разрешение у англичан, на целых полтора года

отправился на север. Впрочем, маршрут был составлен так, что посещение достопримечательностей самой Махараштры оказалось невозможным. А следовательно, можно было не опасаться рискованных связей с этническими да и кровными братьями. Впрочем, к тому времени большая часть Махараштры уже принадлежала англичанам. Пункт 29 «Хронологической таблицы» сообщает, что в 1818 г. всё это «было отвоёвано у пешвы».

В танджавурском «Храме Сарасвати» хранятся обёрнутые выцветшей тканью свёртки с перепиской между путешествовавшим Серфоджи II и оставшейся дома родней. Его ненасытное любопытство поражает широчайшим диапазоном. Серфоджи даже нанял художника-англичанина, который зарисовывал всё необычное, что встречалось в пути. Наибольшее внимание раджи привлекали виды деревьев и растений, не произраставшие на юге Индии, и он без устали отсылал в Танджавур незнакомые плоды и семена через верховых, а иногда и загрузив покупки на корабль, следующий в южном направлении. Каждая посылка сопровождалась строгими указаниями, предусматривающими передачу части образцов английскому резиденту. Остальные высаживались в «государственных» садах Танджавура. Особой тревогой проникнуто послание о шелковичных червях, отправленных из Калькутты, в котором Серфоджи подробно расписывал, как за ними нужно ухаживать, оберегать от сквозняка, чем кормить и т.д.

Серфоджи II и Шиваджи II. Портрет XVIII в. из библиотеки «Храм Сарасвати». Танджавур.

У Серфоджи II было две жены, 29 наложниц проживали в отдельно выстроенных покоях, двое его сыновей умерли в младенчестве, а оставшийся – будущий Шиваджи II – подолгу болел. Даже в последние дни перед смертью в 1832 г. Серфоджи II захаживал в «Храм Сарасвати». Увидев как-то обтрёпанные матерчатые обложки книг, он приказал заменить их на но-

Танджавур. Бывший царский дворец – уходящая натура.

Гибикус. Иллюстрация из Ботанического атласа, созданного при дворе Серфоджи II.

вые. Когда он умер, одна из его жён и несколько наложниц пытались совершить *сати* – самоожжение на костре вместе с покойным, но были остановлены английским резидентом, поскольку в 1829 г. этот ритуал был официально запрещён английскими властями.

При Шиваджи II ничего не изменилось: изощрённый придворный этикет оставался

единственным символом княжеской власти. Наш соотечественник, князь А.Д. Салтыков, так описал свои впечатления от посещения Танджавура в 1841 г.: «При моём входе в крепость выстрелили из пушек. Меня ввели в обширный двор, на котором там и сям были расставлены слоны: я насчитал их до 18; за железной решеткой я заметил 7 тигров и 5 леопардов. Один из тигров был редкость: весь серый. У раджи в крепости всего 40 слонов: некоторые принадлежат его жёнам (жён у раджи 300), другие назначены на служение при великолепном крепостном храме (храм Брихадешвара. – И.Г.). Огромные гранитные башни этого храма поднимаются до облаков; посреди высится чудовищный бык, высеченный из одного чёрного камня (Нанди. – И.Г.). Кругом храма разбросаны кучи пальм и стелется ковёр цветов, необходимых для религиозных обрядов... На троне из слоновой кости, под пурпуровой сенью, в парчовом одеянии сидел сам раджа. На его груди и на чалме странного, невиданного доселе мною покроя сияли крупные драгоценные камни и, между прочим, огромный изумруд, который свешивался с чалмы к переносью раджи и блестел, как третий глаз... Множество служителей стояли за тронном, веяли золочёными опахалами и отгоняли павлиньими перьями комаров. На ступенях трона курились благовония, герольд прославлял громким голосом величие, могущество и добродетели своего повелителя, его красоту, мужество, силу и т.п. Словом, всё

Дворец в Танджавуре. Остатки былой роскоши.

Ведийское жертвоприношение сегодня.

соединилось, чтобы придать торжественность этому приёму, который напоминал и театральные подмостки, и седую древность, и ребяческую забаву.

В 5 часов вечера приехал ко мне раджа (наноса ответный визит в тот же день. – **И.Г.**). Он был в паланкине; впереди шли 7 слонов, из которых два были огромного роста, покрыты тигровыми шкурами, с башенками на спине; 4 – средней величины и один маленький; за ними выступали 2 верблюда. Раджу сопровождало конное и пешее войско. Всадники, по большей части старики, были в парчовых одеждах и сидели вместо седел на чепраках, к которым с 4-х концов были привешены хвосты тибетских коров (хвосты яков, чтобы отгонять мух. – **И.Г.**).

Раджа Шиваджи был в серебряных парчовых одеяниях. Я отдал радже тоже почести, какие он оказал мне, то есть поцеловал его в оба плеча и, взявши под руку, провёл от паланкина до софы. При конце посещения я подал ему и каждому из его свиты по огромной вязи пахучих цветов, облил их руки маслом и розовой водой, на руки надел цветные запястья, на шею цветные ожерелья и в руки дал по пучку цветов. Раджа, большой любитель этих церемоний, помогал мне всё время с великим удовольствием и благосклонно улыбался, видя мою неловкость».

А.Н. Салтыков, вероятно, преувеличил количество жен у Шиваджи II, но к тому были основания: несмотря на всё новые и новые женитьбы, официальные жены

князя сыновей не рожали, и будущее марионеточного трона снова оказалось под угрозой. Постарев, Шиваджи II объявил о желании усыновить внука родной сестры, правнука Серфоджи II, но его зять начал плести интриги, предлагая свою жену в качестве более прямой наследницы. Смерть князя в 1855 г. придворный врач-англичанин нашёл неестественной. К этому моменту англичане уже не церемонились: они не приняли пожелания Шиваджи II, не признали его потомство от наложниц, отвергли притязания дочери и зятя, несмотря на многочисленные иски со всех сторон. Всё это сопровождалось разграблением княжеской собственности и аукционными продажами.

Индусское же право упорно стояло на своём, и в представлении местного населения династия Бхосле продолжилась в соответствии с укоренённой в веках традицией. Постепенно княжеским вдовам были возвращены помещения в княжеских постройках и назначены пенсии, настойчивость вдов и их адвоката Джона Брюса, добравшегося до двора королевы Виктории, также принесла плоды: в 1862 г. была проведена официальная коронация правнука Серфоджи II, принявшего имя Серфоджи III. Но многочисленная родня на этом не успокоилась. Тяжбы тянулись более полувека и с новой силой разыгрались уже между сыновьями Серфоджи III от двух его жен, а теперь – не на шутку – продолжают между их потомками. Почти все они проживают в разных помещениях бывшего

княжеского дворца, а один из них владеет небольшим магазинчиком на территории комплекса, где продаются прохладительные напитки и сувениры. Потомки, кстати, никак не нарушают сложившихся в их роду матримониальных процедур и привозят своим сыновьям жён из родовитых кланов других, теперь уже бывших, маратхских княжеств – Бароды, Колхапура, Сатары, Барамати и др. Через эти браки род Бхосле сохраняет и полноценный маратхи, хотя в быту предпочитает пользоваться тамильским языком.

На визитной карточке 37-летнего С. Бабаджи Раджа Бхосле Чхатрапати значит-ся «старший принц», и он занимает ведущее положение среди здравствующих потомков, что отражается в его членстве в попечительском комитете библиотеки «Храм Сарасвати» им. Серфоджи II Бхосле и сохранении решающего голоса в отношении жизнедеятельности 84-х местных храмов. Хорошо образованный и деятельный, С. Бабаджи Раджа Бхосле оказался приветливым хозяином и с полуслова понимающим собеседником. Когда во время ритуала освящения одного из подотчетных ему храмов у меня неожиданно отказала техника, а в этот момент ожидалось приношение роскошного шёлкового сари в жертву священному огню, он взял фотоаппарат у кого-то из своего окружения и передал его мне. Так на обложке моей книги «Из индийской корзины» появились уникальные снимки жертвоприношения по ведийскому обычаю.

«Храм Сарасвати» в настоящее время находится в двойном подчинении: у цент-

ральных властей и правительства штата Тамилнаду, которое вообще не склонно вспоминать о тех временах, когда в Танджавуре распоряжались телугуязычные Няйки и маратхиязычные Бхосле. Маратхскими же делами занимается д-р Р. Вивеканандагопал, тамильский ученый, в совершенстве знающий *моди* – средневековую маратхскую скоропись. Но ему одному не под силу обработать и переписать на понятном *деванагари* невероятное количество рассыпающихся рукописей.

Послесловие

Танджавур не напомнил мне фиалку, в отличие от Вильяма Хики. Но печаль я здесь явно ощутила. Может быть, из-за незнания тамильского языка или из-за трудностей в понимании языка других представителей маратхской диаспоры, с которыми я тесно общалась: они говорили на маратхи XVII в. с пугающей меня тамильской интонацией. Может быть, это была печаль маратхской диаспоры, оказавшейся полностью оторванной от своих корней и предполагающей в ближайшем будущем ассимилироваться со своим окружением, чтобы не считаться инородным телом. А может быть, печаль бывшей имперской столицы, превратившейся в пыльный провинциальный городок. Что касается тайн – то их много и они скрыты за стенами «Храма Сарасвати» в ещё не прочитанных рукописях, многие из которых, к сожалению, не выдержат борьбы со временем.

Фото автора.

